

SLAVOJ ZIZEK
FIRST AS TRAGEDY, THEN AS FARCE
Verso, London – New-York, 2009

Последние книги Славоя Жижека посвящены защите коммунизма как единственно возможного адекватного ответа на вызовы современности во всех её модусах (культурных, социальных, политических, экономических), а равно и защите универсальной солидарности как единственно возможного основания для коммунизма в противовес ставке на партикулярные идентичности. Не стала исключением и эта книга. Поскольку «фирменный» стиль Жижека, избыливающий примерами из масс-медиа, политической жизни, литературы, кино и т. д., создаёт такую ткань повествования, которую сложно воспроизвести в небольшой по объёму рецензии, эффективнее будет последовательно обращаться к каждому разделу *First as Tragedy*, пытаясь извлечь из них сухой осадок.

Итак, в разделе *Введение: Уроки первого десятилетия* Жижек объясняет смысл названия, позаимствованного у Маркса: трагедия – это события 9/11, фарс – экономический кризис 2008 года. Какое же историческое событие скрывается за двумя указанными модусами? Этим событием является крах утопического ядра господствующей идеологии современного капитализма. В первом случае ниспровергается миллениаризм мультикультурной либеральной демократии, во втором – утопические представления о спасительной роли и естественном характере «свободного рынка» и капиталистической экономики в целом. Тем самым определена и архитектура книги: в первой главе даны абрисы утопизма современного капитализма, во второй представлено жижевское понимание того, как сегодня возможна коммунистическая стратегия.

Первая глава с броским названием «Глупый, это же идеология!» начинается с раздела *Капиталистический социализм?*. Жижека удивляет реакция на развернувшийся финансовый кризис: *во-первых*, представление о том, что он разразился неожиданно. Удивительно, как быстро забывается, что и титулованные экономисты, и политические активисты на протяжении долгих последних лет предупреждали об опасности, подстерегающей современные финансовые рынки. *Во-вторых*, удивляет реакция консервативных кругов на предпринятые ЕС и новой администрацией США меры – они осуждаются как «социалистические» и несправедливые. Социализм, к примеру, видят в том, что государству начинается отводиться большая роль в регулировании рынка, чем до сих пор. Жижек развенчивает этот довод консерваторов: государство всегда вмешивалось в экономику,

к примеру, применяя протекционистские барьеры. Здесь автор обращается к показательной истории государства Мали, которое оказалось разорённым в результате мер, принятых США и ЕС – якобы главных идеологов «свободной торговли» – по защите своих рынков (р. 15–16). Несмотря на то что консерваторы говорят некоторые верные вещи, они делают это для того, чтобы развязать себе скованные государством руки, а не ради большей справедливости, как утверждают то сами. Вывод Жижека – в антикризисной политике нет ничего социально справедливого, но и нельзя поддаваться на уловки правых: вопрос не в том, нужно ли госвмешательство в экономику (оно и так есть), а в том, какое это должно быть вмешательство.

Следующий раздел – *Кризис как шокотерапия*. Здесь задействованы идеи Наоми Кляйн о том, что все социальные потрясения последних десятилетий можно рассматривать как спланированные меры по введению капиталистических отношений в новых регионах. «Внедрение рыночной экономики становится гораздо легче, если путь к этому вымощен какой-либо травмой (природной, военной или экономической), принуждающей людей к тому, чтобы стрясти с себя “старые привычки”, и превращающей их в идеологическую *tabula rasa*, в выживших после собственной символической смерти, в готовых принять новый порядок» (р. 18–19). То же происходит и в развитых демократиях – людей пугают «чрезвычайным положением» и призывают приостановить действие демократических институтов ради их же спасения. Капитализму, следовательно, кризис не только не помеха, но и подспорье. Единственная проблема – его утопизм, пусть и скрываемый, вряд ли может пережить такие мощные потрясения.

Структура вражеской пропаганды. Именно поэтому господствующая идеология направлена не против конкретных политических сил (для этого есть полиция). Суть её утопизма – в отрицании самой возможности альтернатив, в объявлении себя «единственной возможностью». Для этого, *во-первых*, задействуется новое разделение – не столько классовое, сколько культурное. К примеру, популисты противопоставляют не рабочих и эксплуататоров, а честных простых людей с правильным образом жизни и развращённых гедонистических либералов, грумящихся над традиционными ценностями. Те, кто попадают на эту удочку, играют против себя: целью такого разделения является устранение препятствий для крупных финансовых игроков, а не защита «простого образа жизни». Точно такой же иллюзией, *во-вторых*, является представление о том, что финансовый капитал – это результат личных пороков – жадности, «погони за наживой» и т. д. Нет границы между «честным» капитализмом и такой «погоней» – это одно и то же. Осознание опасности финансовых спекуляций не избавляет от участия в них – оно зависит не от личной нравственности, но от структурных законов нашего общества. И жертвы популизма, и жертвы «психологизации» рынка играют против себя. Как объяснить такое нанесение ущерба

самим себе? Это свидетельство материальной силы современной идеологии (р. 37).

Человеческое, слишком человеческое... Одним из мощнейших её оружий является обращение к некоей аутентичной человечности, подлинной *Самости*, лежащей вне ограничивающих социальных и культурных рамок. В чём же опасность такого обращения? Оно всегда основано на партикулярном материале (этническом, религиозном, половом и т. д.), что заставляет вспомнить кантовское разделение частного и универсального использования разума. Раствующему обращению к приватности надо противопоставить павловскую универсальность: когда Павел говорит о том, что «нет ни эллина, ни иудея», это не значит, что мы все – одна большая счастливая человеческая семья. Это означает, что все люди делятся по универсальному критерию, оставляя приватные идентичности второстепенными: это деление на христиан и врагов христианства. Так и сегодня – надо отстаивать ту идею, что есть те, кто борется за эмансипацию, и те, кто борется против неё (р. 44).

Ещё один пример «очеловечивания токсичного Другого» ради собственного комфорта – поддержка массами популистских политиков типа Берлускони. Жижек призывает быть внимательными к этой клоунаде «простого парня, такого же, как вы все», – за этим фасадом скрывается жёсткая и жестокая фигура, и, возможно, в будущем все страны получат своего «Берлускони» (р. 51).

Новый дух капитализма. Утопизм проступает ещё и в том, что сегодня мы покупаем не вещи, но определённый опыт. Причём требуется, чтобы этот опыт способствовал развитию моей аутентичной личности, настоящего Меня, когда я не просто потребляю, но делаю тем самым что-то значимое и т. д. Дух 1968 года впитан и представлен как приказ наслаждаться, но проблема в том, что идеи 68-го позабыты. Ведь главная его мысль – научиться самоопределению, в то время как приказ наслаждаться не меняет распределение власти и возможности. В современном обществе мы не имеем прав для определения себя, нам просто много позволено (р. 58–59). Весь этот современный карнавал идентичностей лишь заставляет вспомнить Маркузе и его работу *Jargon of Authenticity* – господствующая идеология использует «поиск Самости» для запуска бесконечного процесса потребительского «пересозидания себя».

Меж двумя фетишизмами – пожалуй, важнейшая глава в книге. Как понять эту форму существования современной идеологии, когда она пытается представить себя в качестве не-идеологии? Идеологическая иллюзия может существовать в двух режимах – симптоматическом и фетишистском. Симптом проявляется там, где подавленные силы обходными путями прорываются на поверхность идеологической иллюзии, стремящейся представить идеальную картинку Истины. В случае с фетишизмом лживость идеологии не подавляется, а, наоборот, воплощается в какой-либо фигуре, вещи.

Два модуса фетишизма – позволяюще-циничный (либеральное *anything goes* как безразличие ко всему, кроме собственной выгоды)

и популистско-фашистский (есть какой-то скрытый агент, который во всём виноват – евреи, мигранты и т. д.). Учёт того, что сегодня мы находимся меж двумя фетишизмами, крайне важен для критики идеологии: «Было бы роковой ошибкой полагать, что когда-либо в будущем мы убедим фашистов в том, что их “настоящим” врагом является капитал и что они должны отбросить партикуляристские религиозные/этнические/расистские формы своей идеологии, дабы объединить усилия с эгалитарным универсализмом» (р. 70). Фетиш – это не обман, сфабрикованный внешними силами, это результат самообольщения, от которого фетишисты и не собираются отказываться. Обычного просветительства здесь мало, необходима тщательная работа по критике идеологии фашизма и партикуляризма. Проблема же либерального фетишизма в том, что он наивен – циники полагают, что видят за идеями реальные движущие силы (власть, секс, деньги и т. д.). Но это самообман – идеи обладают материальной силой, в том числе и идеи самих циничных либералов.

Развернувшийся кризис показывает, что традиционная топология политических сил (левые, либеральный центр, правые) в корне не верна: вместо того чтобы располагать правых и левых по краям центра, правильным будет противопоставить левых, с одной стороны, либералов и правых – с другой. Проблема либерализма в том, что он не может отстаивать свободу и, предоставленный себе, скатывается в правый экстремизм, который оказывается его оборотной стороной.

И снова коммунизм! Жижек считает, что критика в адрес Бадью и его самого со стороны Капуто симптоматична: люди почему-то полагают, что социальные и культурные проблемы требуют своего технического решения и не нуждаются в антикапиталистической стратегии. «Что если отдельные дисфункции капитализма, перечисленные Капуто, не просто случайные неисправности, но структурно необходимы?» (р. 78). Либерализм непоследователен: если дело касается проблем СПИД, голодающих регионов, недостатка воды и т. д., то он призывает к постепенности. Когда же речь зашла о спасении финансовой системы, то одни лишь США в обход всех демократических процедур моментально потратили на это 700 миллиардов долларов. Даже Клинтону пришлось признать, что его администрация допустила ошибку: продовольствие не должно быть товаром. Из-за этой ошибки над миром нависла угроза голода. Что же должны в такой ситуации делать люди? Почему не обратиться к коммунизму?

Вторая глава книги – «Коммунистическая гипотеза» – начинается с раздела *Новое огораживание общего* [commons]. Либерализм неспособен разрешить принципиальные антагонизмы современного общества, к коим относятся: а) надвигающаяся экологическая катастрофа; б) несоответствие понятия «частной собственности» по отношению к т. н. «интеллектуальной собственности»; в) социально-этические последствия нового технонаучного развития (осо-

бенно в биогенетике); г) создание новых форм апартеида, новых стен и трещин (р. 91). Вслед за Хардтом и Негри Жижек видит основание первых трёх антагонизмов в «приватизации, присваивании общего». Мы все пролетарии, но в более радикальном смысле, чем у Маркса, – его пролетариат мог потерять только цепи, мы же в опасности потерять всё, сами основания нашей жизни. Мы превращаемся в картезианского субъекта, лишённого своей субстанции. Важно то, что между первыми тремя антагонизмами и последним – Жижек также формулирует его как «пропасть между Исключённым и Включённым» – есть принципиальное различие.

Социализм или коммунизм? Первые решают проблему выживания, последний – проблему справедливости. Можно представить себе авторитарное социалистическое государство, которое остановит процесс приватизации общего, но при этом останется капиталистическим по сути, не только не преодолевая пропасть между Включёнными и Исключёнными, но и всячески её удерживая, к примеру, за счёт обращения к «органическим сообществам». «Нет ничего более “приватного”, чем государство-сообщество, воспринимающее Исключённых как угрозу и обеспокоенное, как удержать их на должной дистанции». Следовательно, социализм – не подготовительная фаза для коммунизма, а его первый антагонист: будущее будет или социалистическим, или коммунистическим. Ведь коммунистическая стратегия настойчиво заявляет, что решение первых трёх проблем возможно, только если будет решена последняя – проблема равенства. Здесь Жижек солидаризируется с Лефевром и Рансьером в том, что исключённые из общества группы воплощают в себе универсальность, на которую должна ориентироваться любая эмансипационная политика. Эта универсальность не схватывается ни либеральным мультикультурализмом (он признает лишь «то же самое»), ни фукианским анализом. Жижек и Бадью согласны с фукианцами, что всепоглощающая система власти вбирает в себя все группы, но Исключённые – это не те, которые отсутствуют, но те, кто представлен особым образом: без места в структуре.

«Публичное использование разума». Коммунизм основан на прямой связи между конкретностью и универсальностью, в обход партикулярных идентичностей (этнических, культурных, социально-групповых и т. д.): «...человек участвует в универсальном измерении “публичной” сферы именно как конкретная (*singular*) индивидуальность, изъятая из её идентификации в сообществе или даже противопоставленная ей – быть по-настоящему универсальным означает быть радикально конкретным» (р. 105).

«...в Гаити». Но для понимания стратегии коммунизма недостаточно кантовского противопоставления публичности и приватности: Жижек обращается к Гаитянской революции, произошедшей на волне энтузиазма после Французской революции. «Бывшие рабы Гаити восприняли лозунги Французской революции “более буквально”, чем это сделали сами французы: гаитяне проигнорировали все имплицитные оговорки, которыми изобиловала идеология

Просвещения (свобода – но только для рациональных “зрелых” субъектов, не для диких, недоразвитых варваров, которые сначала должны пройти долгий процесс образования, дабы заслужить свободу и равенство...)» (р. 112). В этом разделе активно цитируется книга Susan Buck-Morris *Hegel, Haiti and Universal History* – именно бескомпромиссный эгалитаризм гаитян и повлиял на Гегеля и его диалектику раба/господина. Очень важно сохранить эту универсальность равенства – зачастую третий мир ненавидит Запад не за колонизаторство в прошлом, а за способность к самокритике и пропаганду идей универсального эгалитаризма. Жижек поэтому призывает оставаться верными идеям модерна и противопоставлять иллюзорному возвращению к традициям и органической цельности модерную идею автономного самоопределения, ссылаясь при этом на Франца Фанона. Правильный вопрос – не «чему Гаити научилась у Европы?», а «чему Европа сегодня может научиться у Гаити?». Ответ – быть верным радикальному эгалитаризму.

Капиталистическое исключение. Поэтому закономерен вопрос – как следует отстаивать этот эгалитаризм сегодня? Как возможна революция там, где капитал постоянно себя революционизирует? Ранее левые полагали, что необходимо преодолевать границы капитализма, но если последний и сам это делает, что тогда? Ведь матрица (четыре «инварианта» у Бадью) Коммунистической Идеи – строгая *эгалитарная справедливость*, *террор* дисциплины, политический *волюнтаризм* и *вера в людей*, – «не может быть преодолена постмодерной, постиндустриальной или постугодно-какой динамикой». Жижек солидарен с Бадью в том, что ответом может быть стратегия «вычитания» [subtraction]. У Бадью «вычитание», наподобие гегелевского *Aufhebung*, сочетает в себе несколько смыслов: а) изъять, разъединить; б) свести сложность ситуации к её минимальному различию; в) разрушить существующий порядок. Как и у Гегеля, эта структура должна пониматься в единстве: «Необходимо изъять себя из погружённости в ситуацию так, чтобы это изъятие сделало зримым “минимальное различие”, обосновывающее множественность ситуации, и тем самым осуществило его дезинтеграцию, подобно тому как изъятие одной карты из карточного домика вызывает коллапс всего сооружения» (р. 129).

Капитализм с азиатскими ценностями... в Европе. Без коммунизма для демократии, свободы и эгалитаризма нет будущего. Считается, что капитализм невозможен без демократии и рано или поздно к ней ведёт. Что если китайский капитализм, к примеру, оказывается не отголоском нашего прошлого (период первоначального накопления капитала), но нашим будущим? Что если азиатский кнут и европейский фондовый рынок – гораздо более жизнеспособное сочетание, чем рынок и либеральная демократия? Что если демократия сегодня становится не спутником капитализма, а препятствием для него? Отсюда понятно: либеральную демократию необходимо заменить диктатурой пролетариата.

От прибыли к ренте. Для понимания того, что это значит, необходимо учесть следующее. Эксплуатация в классическом смысле сегодня невозможна – она принимает форму «превращения прибыли в ренту». Вот откуда рост авторитаризма в современных государствах – «естественные» законы рынка не подходят для отношений, основанных на ренте. Для них необходимо прямое регулирование со стороны государственных аппаратов. Поэтому де-территориализация идёт рука об руку с усилением государственных аппаратов.

«Мы те, кого мы так ждали». Для установления диктатуры пролетариата и противостояния социалистическому авторитаризму мы должны иначе понять время и историю. Событие само ретроспективно создаёт свою необходимость, необходимость того, чтобы оно случилось, а вовсе не какая-то цепь исторических детерминаций необходимо вызывает к жизни Событие. «Уверенность, которая требуется для действия, основана не на знании, но на вере. Настоящее действие никогда не является интервенцией в абсолютно прозрачную для понимания ситуацию» (р. 152). Следовательно, необходимо признать платоновскую идею о правителях-философах катастрофичной. Дело не только в развенчании тоталитаризма, но и в настойчивом разведении Знания и функции Господина настолько далеко друг от друга, насколько это возможно. Лидер больше не может претендовать на привилегированный доступ к знанию, на предвидение будущего и «становится таким же идиотом, как и все остальные». Единственный верный ответ тем современным левым, которые ждут прихода нового революционного агента, заключается в поговорке индейцев хопи, представляющей классический образец гегельянской диалектики субъекта и объекта: «Мы те, кого мы так ждали» (аналог – лозунг Ганди: «Стань теми переменами, которых так ждёшь в этом мире»). Но ни в коем случае не следует понимать это высказывание в инструменталистском смысле, как будто мы и являемся тем самым привилегированным агентом, чья роль предопределена исторической необходимостью. Нет Большого Другого, а даже если бы он и был, то действовал бы против нас, поскольку единственное спасение сегодня – действовать наперекор исторической необходимости.

В качестве вывода можно сказать следующее. Жижек, конечно, легко уязвим для критики – к примеру, непонятно, почему коммунизм можно «перезагрузить», в то время как «неисправности» капитализма объявляются конститутивными и неустраняемыми? Но при этом нельзя отказать словенскому философу в проницательном формулировании стоящих перед нами проблем – они легко могут быть упущены шаблонным мышлением и требуют от мысли движения поперёк принятым схемам. К примеру, отстаивание важности универсалистской политики в противовес партикуляризму консерваторов и релятивизму либералов может сильно озадачить привычное представление о современной левой мысли. В самом деле, не сон ли это? Жижек практически слово в слово повторяет

Хабермаса: «Модерн – проект незавершённый», и мы должны его продолжать, если хотим сохранить свободу и равенство. Пожалуй, и в современном мире в целом, и в Беларуси в частности защита универсализма в пик традиционалистским чаяниям и обожаемым популистским политикам – Берлускони здесь лишь один возможный пример – интеллектуальное предприятие, которого очень не хватает.

Влад Новицкий